

М. Блиннов

НА ВАСИЛЬКОВОЙ СТОРОНЕ

Максим Блинов

На васильковой стороне

«Издательские решения»

Блинов М.

На васильковой стороне / М. Блинов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-502215-8

Главный герой — молодой человек, имеющий чересчур идеалистический взгляд на мир. Несмотря на многочисленные препятствия, ему удастся попасть на оперативную службу в ФСБ. Со временем все его иллюзии рассеиваются, окружающая действительность меняет его взгляды. Иллюзии разрушаются, и все тайны становятся явными. В повести описан путь от наивного выпускника университета до матерого и циничного оперативника, который прошел все этапы от поступления на службу до непосредственного участия в событиях.

ISBN 978-5-00-502215-8

© Блинов М.
© Издательские решения

Содержание

АННОТАЦИЯ	6
ПРЕДИСЛОВИЕ	7
Часть 1. Назад в будущее	10
Часть 2. Рождение лейтенанта	24
Конец ознакомительного фрагмента.	32

На васильковой стороне

Максим Блинов

© Максим Блинов, 2023

ISBN 978-5-0050-2215-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

АННОТАЦИЯ

Создано при поддержке АНО «Сообщество ветеранов стояния на реке Калке» и Концерта «Dodekateon-group ltd», в соавторстве с Баракком Хуссейном Обамой, специально выделенным временем в своем плотном графике вероломного загаживания российских подъездов.

Отдельное спасибо Артуру Невиллу Чемберлену за помощь в сортировке и обработке секретных сведений и сведений особой важности, добытых в условиях глубокой конспирации.

Благодарю Apple inc. и Asus inc. за предоставленную для печати текста военную технику. Отдельное «Позор!» калькулятору «Электроника», на котором что-либо написать просто невозможно.

Все совпадения случайны, имена вымышлены, ситуации изменены, сведения о структуре подразделений ФСБ взяты из Википедии, пальцы автора отрублены и съедены на завтрак без кетчупа.

Описанные события носят исключительно юмористический характер и не призваны разжигать ненависть к пафосным ничтожествам, которые проедают свое денежное довольствие в отделах кадров, секретариатах, правовых управлениях, информационно-аналитических подразделениях, мобилизационных группах, инспекторских эйнзац-командах, подразделениях собственной безопасности, особо секретных службах уфологов-филателистов и штабах любых ведомств.

«Из уважения к погибшим, все описано так, как было на самом деле» (сериал «Фарго»).

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ни для кого не секрет, что жизнь любого человека способна в определенный момент времени встать на дыбы и сделать неопиcуемый поворот. А иногда и несколько раз подряд. Крайне забавно, что в узком промежутке времени совершенно невозможно внятно определить хоть какой-нибудь замысел судьбы. Ее план не виден, а перспективы – туманны. Но стоит лишь пережить уготованные жизнью события, как сразу же становится возможным проследить всю их закономерность и неизбежность.

Одиннадцать лет назад, я даже в самых смелых фантазиях не смог бы представить, что в одну из весенних ночей 2019 года буду набивать в юмористических, а иногда и трагических тонах, очерк о своей службе в ФСБ, живя при этом в городе Москве.

В те давние, былинные времена я вообще не думал, что попаду служить в госбезопасность. Максимумом моих мечтаний была должность следователя в районном отделе прокуратуры. Тем не менее, цепь случайных совпадений все-таки имела свою конечную цель, и нахожусь я в данный момент именно там, где и должен.

Поделись я в то время подобными перспективами своей жизни и последующими реверансами судьбы с женой, и, гарантированно, через несколько дней я бы переехал с ее жилплощади в желтый дом с белыми стенами. И не на отдых, а на принудительное лечение.

Наверняка, у многих возникнет вопрос, для чего я вцепился в эту тему с ФСБ? Почему я не стал, как Пришвин, Бианки или Паустовский, писать рассказы про птичек, радугу и травинки? Я что, ненавижу природу что ли? Конечно же нет, я ее обожаю! Особенно русскую, особенно в центральной полосе и особенно вдаль от больших городов. По крайней мере, другой я не видел. Так что причины таятся в других областях человеческих отношений.

На самом деле их достаточно много, поэтому стоит указать только основные из них. Все остальное – это мелочи жизни и моя непреодолимая тяга к графомании.

Во-первых, Пришвина и Паустовского, к сожалению, никто не любит. Виталия Бианки и подавно, и не только из-за фамилии. А высказаться о службе хочется чрезвычайно, и это предсказуемо. Так как сначала тебе пытаются заткнуть рот потому, что ты действующий сотрудник и не можешь комментировать действия начальства. Потом тебе пытаются заткнуть рот на период действия справки об осведомленности. Потом просто заткнуть рот, дабы не позорить престиж конторы, ведь она так замечательно «помогает» тебе в гражданской жизни. В конце концов, весь полученный негатив просто необходимо куда-то выплеснуть, так что лучше это сделать на бумагу.

Во-вторых, я пишу для себя. Стараюсь при этом получить новые навыки, улучшить уже имеющиеся и не закиснуть в собственных мыслях. Очень жалею, что не вел в свое время на службе дневник. Писать было о чем, каждый день был как последний. Такой массы впечатлений и эмоций, как негативных, так и позитивных, в обычной жизни, при всем желании, не найти. К сожалению, постепенно события из памяти стираются. Поэтому лучше не ждать деменции, а записать все как было, прямо сегодня и сейчас.

В-третьих, мне очень не нравится, что все повсеместно вдруг стали уверены в запретности и опасности обсуждения служебной деятельности ФСБ. При всем при этом, по телевизору без перерыва на обед и ужин умудряются запихивать в голову людям остро-политические телешоу про всеилие российских спецслужб и раз в год смехотворную коллегияу ФСБ. Весь этот «компот» идет вперемешку с сериалами «Тайная стража» или «Кобра антитеррор».

Нечистоплотные личности всеми силами преумножают легенды вокруг ГРУ, ФСБ и СВР, а наше многострадальное общество верит, что оно защищено от всех напастей. От тех самых бед в виде Трампа, Меркель и вооруженного конфликта в Украине.

В этом же ряду стоят проблемы Сирии, Венесуэлы, Ливии, Кубы, ну или любых других стран, стоящих в данный момент на повестке дня в дружном ряду наших друзей. Соответственно, таким же образом дело обстоит и с бесчисленными полчищами загнивающих вражых врагов в виде США, НАТО, Гваделупы и Островов слоновой кости.

Остальная сетка вещания просто наглухо забита какими-то сомнительными аналитиками и экспертами, которые оценивают способности всех наших сотрудников в длинных кожаных костюмах от Валентина Юдашкина, не имея никакого представления не только об этих самых спецслужбах, но и о жизни в целом.

Однажды, мне довелось видеть на канале РБК выступление одного из таких «заслуживающих доверия» аналитиков из числа ветеранов КГБ. Ах, как же это классно звучит – КГБ на РБК! То ли бывшего полковника, то ли генерала. И этот человек, потерявший всякий намек на трезвый рассудок, рассказывал в эфире о строгом отчете списания денег по девятой статье (оперативные расходы) и невозможности что-либо из этих денег истратить на другие нужды (офисную бумагу, ГСМ, ремонт помещений, заправку картриджа для принтеров, запчасти для транспорта и т.д.).

Могу ответственно заявить, что этот человек – обманщик, а пригласившие его в эфир – наивные идиоты (либо крайне хитрые люди). Еще могу с той же долей ответственности сказать, что этот персонаж никогда не видел оперативной работы в любых правоохранительных органах, и теперь он просто сидит на шее у государства, получая свою незаслуженную ежемесячную пенсию тысяч так в 60 рублей. И еще пытается получить нетрудовой доход из гонораров за свое пустое и ничем не подкрепленное словоблудие.

В-четвертых, в качестве пробного шара я рискнул разместить несколько очерков о службе на популярнейшем среди сотрудников силовых ведомств (теперь уже не только МВД) интернет-паблике. Не буду его называть, но, уверен, что все поймут, о каком из них именно я веду речь. На мой взгляд, большинству читателей понравилось. Публика мне попала грамотная, окопная и земляная! При этом, отзывчивая и с долей юмора, за что ей отдельное спасибо. Писать текст обрывками, как это приходилось делать там, не очень продуктивно, так что попробую сверстать весь материал по хронологии в один текст. Один раз, один текст, один народ, один Тутенхамон (*in nomine Patris et Filii et Spiritus sancti*). Это было в качестве внезапной и неуместной шутки, если кто не понял.

Резюмируя написанное. Тема деятельности спецслужб на сегодня очень востребована, но не освещена должным образом. Она вызывает крайне живой интерес у публики и даже у меня, хотя я уже достаточно давно из этих самых спецслужб дезертировал. Поэтому, признаюсь честно, после своего увольнения из ФСБ я еще какое-то время (год-два) очень живо интересовался деятельностью органов, в том числе и не по собственной воле. Естественно, я продолжал надеяться, что произойдут хоть какие-то изменения в организации работы, кадровом составе и структуре ФСБ, способах и методах оперативной работы. Я даже смотрел несколько лет подряд ежегодную коллегию ФСБ, что приравнивается к работе на особо вредном производстве, и за что нужно выдавать талоны на молоко. А там ничего нового! Там все как в 1945-м году, когда полковник Максимов отправлял в Швейцарию на лыжах профессора Плейшнера с чемоданом шифровок.

На службе же все было проще. Пока я был действующим сотрудником, то читал расширенную версию решений этой коллегии на бумаге. В ежегодном циркуляре, который рассылался по всем управлениям. Это примерно одно и то же, что смотреть передачу «Пусть говорят», а потом для полного счастья прочитать еще и восхваляющие это лицедейство отзывы выступающих в нем участников. Вообще никакой разницы! Ты читаешь про глубоко внедренные шпионские ячейки, уничтожение тысяч террористов, арестах коррупционеров в высших эшелонах власти, а потом смотришь вокруг. А вокруг лихие оперативники занимаются разработкой врачей, берущих от пациентов в подарок конфеты, посадкой людей за использование

GPS-трекеров на принадлежащих им коровах и раскрытием сложных схем по краже соседского вай-фая в особо крупном размере.

Я читал этот бред наискосок блуждающим взглядом и расписывался об ознакомлении на обратной стороне документа. Уверен, что из-за своего наплевательского и невдумчивого отношения я ничего не потерял. Дельных практических советов там точно не было. Для примера, с тем же успехом можно слушать Елену Малышеву и проводить по рекомендуемым ею советам операции на открытом человеческом головном мозге.

Иногда мне приходят мысли, что эти самые нейрохирургические операции следует проводить на тех самых людях, которые присутствуют на коллегии. Причем без наркоза. Есть веское подозрение, что большинство из них такого хирургического вмешательства даже не заметит.

До сих пор у меня есть стойкое ощущение, что для всех фильмов про российские спецслужбы сценаристы используют истории из отчетов коллегии ФСБ. Хотя, возможно, и наоборот. Коллегия вечерами конспектирует очередной сюжет из сериала «Мухтар», придает ему более-менее сносный вид, после чего ее текст рассылается по управлениям. Поверьте, если бы у меня были более меткие слова для описания происходящего, я бы их точно применил. Но, к сожалению, таких слов я найти не могу.

Хочу отдельно отметить, что все представленные ниже материалы не являются государственной тайной, и взяты из ФЗ «О ФСБ РФ», ФЗ «О государственной тайне», ФЗ «О безопасности», Положении «О ФСБ РФ», ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» и иных открытых нормативно-правовых актах Российской Федерации. Если вы ждете, что я начну здесь пересказывать приказы с нулями, то это не так.

Также по тексту будут использованы положения ФЗ «О судебной системе», «О статусе судей», «О прокуратуре», «О следственном комитете», «Об изгнании дьявола» и другие нормативно-правовые акты РФ и КНДР. А еще будет использована прочая беллетристика, которая может понадобиться.

В связи с недавними событиями, связанными с проведением в России чемпионата мира по подбрасыванию наркотиков, существуют более чем веские основания опасаться подобного развития событий в отношении себя самого. Так что сразу говорю, я точно не наркоман, можете спросить у жены. И не наркоторговец, потому что я нищий. И не агент Госдепа, потому что я не могу уехать из России даже на пенопластовом плоту.

Так что ничему плохому про меня не верьте, я обычный парень из села.

Погнали.

Часть 1. Назад в будущее

Я хочу рассказать вам историю одного оперуполномоченного из небольшого городского отделения ФСБ. Многие историки спецслужб и прочие проходимцы, никогда не работавшие сыщиком на земле, назовут меня лжецом. Но история пишется теми, кто вешает героев.

Насколько я помню, именно с этих пафосных слов начинается знаменитый фильм «Храброе сердце», хотя пришлось к ним добавить немного отсебятины.

Вообще, я могу без всяких затруднений полностью пересказать этот фильм наизусть репликами всех персонажей. А иногда даже наглядно воспроизвести из него целые сцены мимикой и жестами. Что уж говорить, но я точно могу произнести со всеми интонациями и движениями речь Вильяма Уоллеса, сидящего на коне и призывающего в атаку непримиримых шотландских горцев на поле боя в Стерлинге. Другой вопрос, зачем это нужно? Шотландским крестьянам моя судьба явно безразлична, впрочем, как и их судьба по большей части безразлична мне. Да и коня у меня нет. А без коня получается уже совсем не так зрелищно и вдохновляюще, поэтому выступать, не имея в наличии полного комплекта реквизита, не имеет никакого смысла!

Но душа требует перфоманса, и, неважно, в каком облики. Именно для таких случаев у меня давно припасен темно-синий китель и штанишки с васильковыми лампасами, с которым можно выступать вообще хоть где, не говоря уже о прекрасной Шотландии. Можно, например, петь и плясать в Центральном пограничном ансамбле ФСБ. Или показывать смертельные номера в цирке, стреляя с двух рук из ПМов по яблокам, которые расставлены на головах добровольцев (тут за успех не ручаюсь, это все-таки смертельный номер). Или выступать в киномассовках, доблестно умирая под вражескими танками с последней бутылкой коктейля Молотова. В конце концов, совсем уж от безделья, можно в свободное время просто пойти и, не привлекая внимания, поохранять Кремлевскую стену.

Так что мой реквизит гораздо более функционален, чем какой-то замызганный килт давно забытого волосатого шотландского мятежника. Если у килта имеется всего один бонус – прикрывать причинное место от суровых средневековых сквозняков, то комплект моего обмундирования дает +20% к атаке, – 50% к урону противника, +100% к крепости духа и беззастенчивую, крайне похабную любовь противоположного пола.

При описании этих чудесных свойств военного инвентаря, с которыми не сравнится даже кровь Святого Януария, у любого нормального человека просто обязан проснуться к ним нездоровый интерес. Да и вас, наверняка, тут же обуяло непреодолимое желание заполучить себе такой же? Щеки зардели красным пунцом, ладони вспотели, а в заднице засвербело? Тогда спешу вас огорчить. Существует лишь два надежных способа постичь дзен и развесить в самом замшелом углу своего шкафа для одежды эти доспехи Бога.

Первый, и самый надежный, – пойти в магазин любого военторга и приобрести весь комплект сбруи за небольшую денежку. Этот путь для тех, кто точно знает свой характер и образ мыслей. Кто полностью уверен, что потеряет интерес к ролевым переодеваниям уже через несколько дней, и отдаст все это военное имущество в ближайший приют для бывших сотрудников спецслужб.

Второй способ крайне ненадежен, поэтому рекомендовать его я, при всем желании, не могу. Для этого потребуется пройти тернистый путь от сопливого мальчугана с кисельной мускулатурой, бьющего целыми днями палкой крапиву, до высеченного целиком из стали и гранита богатыря, легко таскающего целыми днями на собственном горбу плиту от 122 миллиметрового миномета.

Для тех, кто все же выберет второй бесславный путь, усеянный черепами врагов и подбитых терминаторов, я и расскажу свою историю. Но только при условии, что эти самые люди

не собираются в ближайшем будущем хранить у себя дома двенадцать миллиардов рублей наличными или под прикрытием красных удостоверений грабить банки. С этими людьми мне точно не по пути.

Возможно, описанные в повести события хоть кому-нибудь из сомневающихся людей помогут победить свой Скайнет, так и не вступив с ним в неравный бой и не допустив ядерного апокалипсиса. Мне же придется, как недоделанному Кайлу Ризу, вернуться в недалекое прошлое, что совсем не трудно, учитывая наличие громадного количества передовых российских нано-разработок в данной области.

Бдыщ! И все готово! Вот я опять в 2001 году.

Черт подери, как же тут все знакомо! Практически ничего не изменилось, даже лужа размером с хороший 25 метровый бассейн перед домом все та же. С ней связано просто невообразимое количество легендарных историй о пробитых колесах автомобилей и несметном количестве запеленгованных в ней вражеских подводных лодок.

Один из местных, которому вопреки всему удалось уехать подальше от этой лужи, как-то написал мне прямо из Лондона – «Как же тут скотски хорошо! Идешь, а вокруг пабы, которым по 500 лет. Кругом все пропитано историей». Я ответил – «Пффф! Удивил! Вспомни лужу перед домом, ей скоро 70 лет!». Так что еще совсем немного, и вокруг нее можно торжественно перерезать красные ленточки и объявлять ее памятником архитектуры.

Но сейчас не об этом. У нас более великая задача – избежать войны на истребление.

А лужа?... Скоро зима, так что сама замерзнет.

Сейчас все-таки лето. Идет самая суетливая пора вступительных экзаменов для абитуриентов, зачислений в армию псевдодобровольцев и борьбы за существование других млекопитающих животных.

Уже отзвенели последние звонки, праздничные декорации выпускников убраны из школьной столовой до следующего года, а пустые бутылки боярышника сданы в приемку.

На руках у меня в то время был аттестат с неплохими оценками, так что дальнейшая жизнь вселяла надежды. Впереди маячил всеми ходовыми огнями юридический факультет местного государственного Университета, на который я должен был с боем поступить. К этой борьбе добра со злом я был полностью готов. За спиной находился целый год подготовительных курсов, в аттестате совсем неприметно мелькали три оценки «удовлетворительно» по алгебре, геометрии и физике. И, как во всех фантастических блокбастерах, у меня было секретное оружие – к окончанию школы я довольно хорошо знал грамматику английского языка, мог решать тесты и писать на нем сочинения.

С другой стороны, как оказалось позже, этого было явно недостаточно. Уже при постижении сложных наук, когда университетский преподаватель включала записи разговора носителей языка и ставила задачу весь этот текст осмыслить, перевести и пересказать, я плотно садился ягодицепсами в ту же самую лужу перед своим домом и мог только беззвучно шевелить губами как рыба. Короче, по окончанию школы у меня был очень крепкий и теоретически подкрепленный деревенский английский язык. Но, к большому сожалению, не разговорный.

Не буду скромничать. В школе я также изучал и французский язык, но сдавать по нему вступительный экзамен было бы форменным безумием! По истечении пяти лет его изучения, я довольно чисто и картаво мог сказать, что мои родители работают на фабрике (а это не так), и что мне тринадцать лет. Как по-французски будет двенадцать и четырнадцать лет, я до сих пор не знаю. Ну и еще, я мог обзывать человека свиньей, лошадью и больным. На этом все познания заканчивались.

То ли французский язык был настолько скуден, то ли я чрезвычайно умен, но в школьном аттестате мои знания по данному предмету были оценены как отличные. Поэтому я решил не бравировать свободным владением сразу двумя вражескими языками и решил сдавать экза-

мены только по известным мне предметам – русскому и английскому языкам, обществознанию и истории.

И это принесло свои плоды. В университет я поступил на платное отделение, хотя, судя по результатам сдачи вступительных экзаменов 5, 5, 5, 4, легко мог бы учиться на бюджете. Так уж вышло, что в приемной комиссии абитуриентов намеренно вводили в заблуждение, говоря только об одной попытке поступить либо на бюджетное отделение, либо на коммерческое. На самом деле это было не так, но у страха глаза велики, поэтому был выбран наиболее перспективный вариант.

Учеба в университете шла в обычном для нее ритме – семестры, сессии и экзамены. Лекции, коллоквиумы и семинары. Пьянство, разврат и безудержный кутеж.

Примерно со второго курса я стал подрабатывать в автосервисе подготовщиком деталей к покраске, хотя автосервисом в привычном понимании данное заведение назвать крайне сложно. Это были обычные советские гаражи с неровно прорубленными между собой проходами в стенах. Скорее всего, именно так выглядели ходы сообщения в знаменитом доме Павлова в Сталинграде, но точно сказать не могу. С другой стороны, обломки кирпича всегда и везде одинаковые, так что все возможно.

Работа заключалась в том, чтобы наносить на изогнутые как после немецкой бомбежки и не подлежащие восстановлению автомобильные двери, крылья и капоты толстого слоя шпаклевки и ее вытачивание. После трех-пяти таких нанесений и вытачиваний, деталь грунтовалась и снова вытачивалась во избежание появления на ней марсианских кратеров и рытвин. Далее следовала стадия выпрашивания зарплаты у начальства.

Командовали этим богоугодным заведением только что освободившиеся зеки, которые отсидели по семь и восемь лет за бандитизм. Они даже на свободе постоянно курили анашу и пили чифир, так что для них с освобождением ничего, в принципе, не изменилось. Стены, пыль, чифир, анаша, шансон, вечно гавкающие у въезда на промзону сторожевые собаки и колючая проволока на заборе. Логично, что из их отношения к жизни вытекали и маркетинговые ходы, которыми продвигался бизнес.

Среди клиентов нашего автоконцерна, в основном, были милиционеры со служебным автотранспортом, которые плевать хотели на качество работы. Все торжество инновационного ремонта щедро оплачивалось из бюджета с последующими откатами «кому-нужно». Таксисты, экономившие копейки на всем, чем только можно. И простолюдины, случайно изломавшие свои рыдваны прямо на нашей территории. Короче, денежный выхлоп от автосервиса был вполне достаточным.

Технология производства, любезно разработанная предприимчивыми зеками, заключалась в трех фразах:

- Экономь материал!
- Придумай, чтобы было красиво!
- И так сойдет!

На этих трех китах держалось абсолютно все. Начиная от веры в наступающий коммунизм и заканчивая итоговым результатом ремонта. Изолента, эпоксидная смола, палки и незатыкающийся магнитофон с музыкальными поделиями узников совести в стиле «Хоп, хоп, мусорок!» творили чудеса.

Вселенная всегда уравнивает крайности. Поэтому, работа была пыльная, вредная, но хорошо оплачиваемая и приучающая к усидчивости. Учеба же в университете, наоборот, отнимала кучу средств, но добавляла кучу плюсов к аккуратности, чистоте и здоровью. В итоге все эти противоречия разбавляли друг друга в итоговых оценках в зачетке, которые были посредственные. Зато в кармане были хоть какие-то деньги.

Для дальнейшего описания событий мне придется использовать один из литературных приемов, который я беззастенчиво украл из романа Джона Ле Карре «Шпион, выйди вон!».

Именно он придумал заменять настоящие имена персонажей наиболее подходящими им элементами характера. Так появились «Точильщик», «Лудильщик», «Портной», «Бедняк» и другие.

Я думаю, он несильно расстроится, если я позаимствую у него на время этот метод повествования. Да и описываемые персонажи будут на меня не так злы. Тем более, я придумал им гораздо менее обидные прозвища, чем мог бы.

Например, я мог бы назвать кого-нибудь Трусливый лев, Железный гомосек или Анусчирлидер и попал бы в самую точку! Но я не стал так поступать, из элементарного чувства человеколюбия, поэтому считаю нашу сделку более чем справедливой.

Ну да ладно, обо всем по порядку.

Планом обучения на факультете была предусмотрена ежегодная летняя практика. Право выбора места стажировки предоставлялось самим студентам, так что я выбрал для этого отдел городской прокуратуры. До 2011 года никакого следственного комитета не существовало. Следователи входили в состав прокуратуры, и, по моему скромному мнению, прекрасно справились со своими обязанностями.

Мне очень повезло, так как мне попались хорошие наставники.

Первый, Худой, пришел в прокуратуру за несколько месяцев до меня и аттестовался сразу юристом 1 класса (капитаном). В свое время он окончил школу милиции, дослужился в органах внутренних дел до майора, потом ушел в оперативно-розыскной отдел таможни и, каким-то чудом, в последующем попал в прокуратуру. По общему правилу из смежных структур в надзорное ведомство не берут. Тем более таких седовласых и бесперспективных, как Худой. Хотя, бывают и исключения.

Вторым был чернявый заикающийся парень по имени Кубанец. Когда я с ним познакомился, он был аттестованным юристом 3 класса (лейтенантом), при этом всем ему было уже за 30 лет. До службы он отучился в обычной школе и местном целлюлозно-бумажном техникуме. Жизнь заставила его немного помотаться, так что некоторое время он регулярно пил денатурат, работал охранником и еще кем-то. В конце концов, ему такая жизнь надоела. Он закончил заочно тот же самый университетский юрфак, что и я. Проявив немалую настойчивость, он все-таки сумел сначала устроиться помощником следователя, а потом дорасти до настоящего следователя прокуратуры.

Его мечта заключалась в том, чтобы стать следователем-криминалистом в областном управлении и вообще ничего не делать. На любые попытки пожелать ему стать начальником, он отмахивался руками и говорил «Не-не-не-не-не! Ни за что!». В итоге все прогнозы сбылись, включая и изначально непредусмотренные. Постепенно он стал по очереди: криминалистом, начальником отдела, и затем старшим советником юстиции (полковником). Так что на его примере я еще раз убедился, что все желания осязаемы.

Работы у следователей было много. Стабильно раз в три дня появлялся новый криминальный труп, и примерно раз в неделю обнаруживалась новая жертва изнасилования.

Учитывая, что мой город был всего лишь районным центром, с населением около 70 тысяч жителей, такое количество преступлений было просто запредельным. Примерно как во времена Дикого Запада в США, когда любая стычка заканчивалась хорошей разборкой, после которой гробовщики сколачивали себе состояние.

При просмотре ежедневных сводок ОВД можно было также увидеть, что практически каждый день в районе происходило около 3—4 обычных поднятий мертвецов. То есть простых некриминальных смертей, по которым следствие также было обязано проводить первичную проверку. Так что, уже тогда мой город уверенно погряз в трупном запахе.

Особенно печально обстояла ситуация в январе-феврале любого года. Каждый день этого месяца происходило от десяти до пятнадцати человеческих смертей различной этимологии, но неизбежно связанных с чрезмерными праздничными алкогольными возлияниями.

Не скажу, что мое поселение было похоже на фабрику смерти в Аушвице, но что-то их явно роднило. Возможно, тот факт, что оба этих объекта строили немцы. В случае с городом – пленные.

Единственным за всю прокурорскую практику делом, которое не было связано с преступлениями против личности, было превышение должностных полномочий сотрудниками ФСКН при задержании двух мелких наркоторговцев. Что-то в этой истории сразу бросалось в глаза и указывало на ее сомнительность. Несмотря на видеосъемку всех событий и допросы понятых, подтверждающие версию хранения наркотиков, у прокуратуры к задержанию возникли вопросы.

Вопросы, к слову, были справедливые. Отделение ФСБ, состоящее из двух человек, изымало в год примерно около килограмма наркотиков. Два милиционера, закрепленных в отделе МВД за этой линией работы, изымали в год около двух килограммов таких веществ. Отдел же ФСКН, состоящий из пятнадцати человек, изымал в год не более 50 граммов каких-то никому не нужных и редких прекурсоров.

Следователи сначала возбудили темное уголовное дело по превышению должностных полномочий сотрудниками ФСКН. Потом они тихонько предъявили двум оперативникам этой службы обвинения, и дело стало светлым. В конце концов, дело, двигаясь как черепаха на черепаший женщине, уползло в сторону обвинительного заключения, потом на утверждение помощникам прокуроров, а затем и в суд. Оперативников из наркоконтроля осудили вместе с наркоторговцами. Первым дали условный срок, вторым – реальный.

Уже намного позже я узнал, что это дело было камнем преткновения и поводом для непримиримой борьбы трех сил: ФСБ, ФСКН и НОНовцев из местного отдела милиции. Все эти три структуры по очереди задерживали членов подконтрольных друг другу наркокартелей, чем вносили неразбериху в сложившийся уклад наркотрафика.

На каком-то этапе ФСБ оказалось хитрее и объединило в этом деле свои силы с милицией. Как в сказке про Репку, они вместе чуть поднажали на прокурора, и ФСКН оказалось в глубокой заднице, с двумя осужденными операми, снятым с должности начальником отдела и подмоченной репутацией.

В любом случае, на том этапе для меня было очевидно, что прокуратура занимает в правоохранительной системе главенствующую роль, поэтому мои симпатии и устремления были нацелены именно туда. Поэтому я старался отдавать все силы получению необходимых для работы следователем навыков и умений.

Первые два курса на практике приходилось заниматься подсобной работой. Например, таскать орудия убийства в морг. Так что я, как вычужный мул, перевез в обычном рейсовом автобусе немало топоров, молотков и хлебных ножей. Вопреки расхожим мнениям, именно эти предметы являются самым опасным оружием массового уничтожения, а никак не солдаты НАТО.

Также приходилось подшивать дела, развозить запросы и знакомить обвиняемых с материалами уголовных дел. Это мероприятие проходило в грязном, темном и пропахшем куревом ИВС, расположенном в подвале здания, совершенно не располагающем к романтике.

Однажды, мне даже пришлось поучаствовать в совсем экзотическом мероприятии – эксгумации трупа, захороненного на кладбище. Сначала я был копальщиком, как Лара Крофт, а затем и понятым. Так что моя производственная практика была и разнообразной и полезной.

К концу пятого курса меня уже было ничем не удивить и не запугать. Так что я довольно ловко опрашивал людей, оформлял осмотры места происшествия и рассматривал материалы. Иногда Худой подбрасывал мне штук по двадцать таких просроченных материалов и выплачивал за приведение в порядок каждого из них какие-то символические деньги.

Судя по внешнему виду, он ежедневно напивался в сосиску, снимая пережитый стресс. Почти каждый день, ближе к обеду, он, явно страдая от похмельных мук, отправлял меня

в ларек за свежей порцией пенной жидкости. Примерно через полчаса после этого, он, уже поправив здоровье и очухавшись, говорил мне довольно странную фразу – Не ссы, Штирлиц! Вот попадешь на службу в ФСБ, сам будешь людей за пивом отправлять. А пока терпи!

Каким образом ему удавалось так далеко и точно заглядывать в будущее, мне неизвестно. Скорее всего, для этого он использовал древнюю магию африканских любителей маисовой водки.

Вообще, его история показательна и встречается довольно часто. Из-за постоянного нахождения в состоянии абстиненции, через некоторое время, Худому пришлось перевестись в самый зачуханный и далекий отдел прокуратуры. Там он умудрился потерять уголовное дело, задремав на лавке у подъезда после тяжелого трудового дня. За такие проделки со службы его выперли, и он пошел в народное хозяйство, где несколько лет трудился разнорабочим, сторожем и дворником. В конце концов, он, как заблудившийся Будулай, снова пришел в прокурорские кадры с повинной головой. Принес справку из наркодиспансера о прохождении лечения от алкоголизма, и был восстановлен в должности. Естественно, при таком режиме труда и отдыха руки до материалов у Худого так и не доходили, так что шабашками я был обеспечен постоянно.

Таким образом, производственная практика явно имела положительный эффект и развивала во мне навыки общения с людьми и работы с документами. Плюс к этому давала возможность познакомиться со значимыми руководителями из профессии и обрести некоторыми связями. Так что к окончанию университета процентов на 70% я был вполне самостоятельной и боеспособной единицей. Сотрудники ко мне привыкли. Не было и дня, чтобы мне было в тягость идти в отдел. Естественно, после практики в надзорном ведомстве, никакой другой работы для себя я не представлял.

Тщательно изучив ФЗ «О прокуратуре», я с удивлением узнал, что в принципе можно устроиться туда на работу с четвертого курса ВУЗа. На мой вопрос относительно такого порядка вещей, следователи-наставники дружно показали пальцем на два соседних кабинета, в которых трудились две крайне симпатичные девицы – помощник прокурора и следователь. Обе они были студентками 6 курса заочного отделения юрфака и имели классные чины младших юристов, то есть младших лейтенантов.

Я, подумав, что ничем не хуже, тут же составил резюме и встал в кадровый резерв прокуратуры. По самым скромным прикидкам, мне, как особо ценному кадру, должны были позвонить, по крайней мере, до конца рабочего дня. Но, прошел месяц и никто так и не позвонил. Потом прошел еще один месяц, и еще один месяц, и еще куча месяцев – результат был тот же. Энергия тем временем была через край, поэтому я летал между потенциальными работодателями как средиземноморский ветер.

Не помню точно, откуда в моей голове взялась идея попробовать вломиться на том же четвертом курсе в стройные ряды сотрудников ФСБ, но я ее осуществил. Пришел в холл регионального управления и просто спросил у дежурившего там прапорщика о трудоустройстве. Он сказал мне три цифры внутреннего телефона отдела кадров и показал пальцем на сам аппарат. Отойдя на несколько метров от окошка предбанника, я тут же все эти цифры забыл, так что пришлось переспрашивать. Поскольку, прапорщик был таким же тормозом, как и я, он не смутился и снова мне повторил весь порядок действий. Я же, в тот момент, в своих собственных глазах был посрамлен и унижен. Первый разговор с конторой получился короткий.

– Вам нужен студент?

– Нет, мы берем людей с дипломами.

Аплодисменты, занавес.

Плюнув на всю эту бюрократию и решив не торопить события, я продолжил учебу и, наконец, ее закончил. Про ФСБ после первого неудачного крестового похода я даже и не вспоминал.

Получив свой далеко не красный диплом, я первым же делом пошел обновлять сведения резюме в кадровом резерве прокуратуры. Параллельно с этим решил напрямую подойти к районному прокурору, благо, после всех эпизодов ежегодной практики, был уже лично с ним знаком. Даже не заглядывая в диплом, он повертел в руках мой военный билет и сделал неожиданный и крайне неутешительный вывод. Ограниченно годных к несению военной службы (категория «В») в прокуратуру берут очень редко и неохотно. И мой случай был явно не тот, чтобы хоть как-то повлиять на решение об оформлении. Это неудивительно. Среди факультетского выпуска из 150 человек подавляющим большинством были дети действующих сотрудников, которых тоже нужно куда-то трудоустроить. И, желательно, не дежурным в вытрезвитель. И уж точно не старшим помощником младшего слесаря.

Если честно, я никогда не предавал большого значения наличию у себя военного билета. Ну есть и есть, при чем же здесь работа? Оказалось, что очень даже при чем. Хоть этот военный билет и валяется без дела десятилетиями под стопкой оплаченных квитанций за квартплату, чеков на покупку бытовой техники и всякой прочей сомнительной макулатуры, но он очень важен. В нем стоит категория годности к военной службе, которая является маркером для потенциальных работодателей из силовых ведомств. Человек может быть хоть трижды инвалидом, но по бумагам все должно быть чисто. При всем при этом, дата военно-врачебной комиссии в военном билете может быть насколько угодно древней, а объективные внешние данные совершенно любыми, включая пивное пузо или отсутствие нижних конечностей. Документ в этих случаях будет иметь решающее значение.

Сказать, что после этого разговора я расстроился – это ничего не сказать. Я был просто подавлен. Мечта о синих погонах с зеленым просветом рухнула на землю и разбилась.

Для того, чтобы до конца понять ситуацию с моим военным билетом, необходимо заострить внимание на моменте, когда он у меня появился. Однажды в детстве родители меня привели к дерматологу с расчесами на локтевых сгибах. Врач внимательно меня осмотрел и назначил строгое лечение в виде обильного мазания уязвимых мест детским кремом. Дав на дорогу пачку активированного угля, счастливый пятилистник подорожника и молитву от сглаза, он отправил меня восвояси. Удивительно, но лечение помогло, все тут же сняло как рукой!

Как позже оказалось, он поставил мне, по каким-то странным мотивам, диагноз «нейродермит» и занес в свою, одному ему известную, картотеку. На очередной комиссии по постановке на учет призывников, на которые таскают всех школьников мужского пола, начиная с восьмого класса, врач-дерматолог посмотрел в свои бумаги и сказал «Свободен». С таким диагнозом, как и с бубонной чумой, служить не берут. Далее мне просто выдали военный билет и все. Тогда я воспринял это как должное.

Естественно, что после первой неудачной попытки попасть на госслужбу, я решил устранить все препятствия и заново пройти военно-врачебную комиссию. Самым обычным образом. Я пришел в военкомат и спросил, как это можно сделать. Местные тетki посмеялись надо мной, сказали, что это невозможно, и захлопнули свое дурацкое окошечко прямо перед моим носом.

Поскольку в этой стране нет абсолютно ничего невозможного, я решил пойти другим путем. Черт с ней, с этой прокуратурой, подумал я, буду ломиться в другие двери. В те, которые скромнее.

Первым делом я поговорил со своими наставниками-следователями, и они отвели меня под руки устраиваться на работу в уголовный розыск. Начальник местного УР Таракан был суров и усат. Кабинет его был прокурен и состоял из многочисленных обшарпанных фанерных шкафов. Он посмотрел в мои документы, также повертел в руках военный билет и сказал, что позвонит.

К слову, прошло уже 13 лет, но по поводу работы он мне так и не позвонил. Все просто. Уже через год он утратил возможность кого-либо трудоустроить в розыск, поскольку

сам умудрился загреметь за «взятку» в СИЗО. Причем сначала этого подполковника засунули в общую камеру к его любимым зекам. Задерживали его сотрудники моего будущего отделения, но, несмотря на это, мы с ним позже неплохо сдружились. Наличие у меня фсбэшной ксивы его нисколько не смушало, и по моим представлениям, он точно не был самым плохим человеком в этом мире.

Оказалось, что он обычный заложник ситуации, которому коммерсанты жертвовали офисную бумагу и какие-то копейки на ремонт автопарка. А вышло, как вышло. На видеозаписи, которую до сих пор демонстрируют в ведомственных институтах ФСБ в качестве учебного пособия по борьбе с коррупцией, он в форме подполковника милиции засовывает в задний карман штанов денежные купюры, после чего его в прямом эфире задерживают.

Я нисколько не защищаю человека в погонах, берущего деньги от кого бы то ни было, но дальнейшие события показывают, что и тот человек, который его задерживал тоже не ангел. Да и вообще, профессиональная сторона в этом деле практически не имела значения. В ситуации с задержанием Таракана все решил банальный бытовой спор. На Дне милиции, действуя крайне неумно, поддатый Таракан умудрился ткнуть в курилке приглашенного на праздник оперативника ФСБ, Хомяка, своей должностью, званием и выслугой. Опер это естественно запомнил и, при подвернувшемся случае, отомстил. Так что со службой в уголовном розыске ни у меня, ни у Таракана в итоге не срослось.

После этого уже очередного неудачного опыта, я стал бегать в поисках работы гораздо быстрее. Но, увы, мое движение явно шло на дно болота. Следствие ОВД – отказ, тыл – отказ. Приблизившись к границе человеческого достоинства, я пришел на собеседование в службу судебных приставов. Догадались, что меня там ждало?

Тем временем, лето 2006 года подходило к концу, но вопрос с моим трудоустройством так и не был решен. Хорошо, что в подобных особо сложных ситуациях мозг человека способен искать совершенно безумные выходы. В моей голове зародился еще один план, который, по всем прикидкам, должен был выстрелить. Я проанализировал через вражескую сеть «Интернет» расположение учебных заведений по всей стране и увидел, что примерно в 20 субъектах Федерации, как это неудивительно, отсутствуют высшие учебные заведения с направлением обучения «юриспруденция». Из этого логично вытекало, что и притока свежих кадров в органы прокуратуры там не должно наблюдаться.

Накупив почтовых конвертов, я напихал в них копии характеристик от своих наставников, копии дипломов и прочих документов. Чуть не забыл, для службы в некоторых волостях требовалось заключение медкомиссии о возможности работы в условиях Крайнего Севера. И я ее прошел успешно.

Письма были отправлены, оставалось только ждать.

Примерно в это время начиналась эпопея с ежегодными посланиями сомнамбулического президента по телевизору. Народ завлекали возможностью спросить у него о насущных проблемах, а он делал вид, что эти проблемы решает. Нисколько не стесняясь, я в наивном порыве написал вопрос на его трехкопеечный сайт и спросил: почему молодому специалисту высочайшего класса и с опытом работы, стоящему в кадровом резерве прокуратуры уже целый год, просто не дают возможности устроиться туда на работу?

В аппарате президента это обращение приняли и направили его в генеральную прокуратуру. Там его прочитали и скинули на рассмотрение в прокуратуру моего субъекта Федерации. Местная прокурорская элита была немного удивлена подобными нигилистскими заявлениями, но все же мне ответили – мест нет, и не предвидится. Между строк я прочитал также, что они обескуражены подобным поведением, прямо сейчас рвут на части мое резюме и сжигают его на костре.

Параллельно с этим направлением своей диверсионной работы, я заваливал местный кожный диспансер и управление здравоохранения претензиями с требованием о снятии своего

диагноза. Я угрожал им судами и иными страшными карами, но все было безрезультатно. Этот вариант также не выгорал, я получал откровенные послы и отписки.

Будущая жена, глядя с нескрываемой жалостью на мои мытарства, поговорила со своей матерью, чтобы она подыскала мне хоть какую-нибудь работу. Та, в свою очередь, напрягла свои могучие связи и, наконец, меня пригласили на собеседование.

Удивительно и невероятно, но это был тот же самый местный военкомат, в который требовался помощник военного комиссара по правовой работе с зарплатой в 4 600 рублей в месяц. После зарплаты автосервиса в 12—15 тысяч рублей, предложенное довольствие показалось мне сущими копейками, но все же необходимо было получать юридический стаж, иначе вся учеба была бы бессмысленной.

Далее мне необходимо описать то место, где в моем городе происходят все значимые события. Этакая Дворцовая площадь местного пошиба.

Военкомат, милиция, прокуратура, суд, отделение ФСБ, ИВС и служба судебных приставов располагались в пятиэтажном здании не больше, чем обычный жилой дом хрущевской постройки. Военное ведомство занимало два верхних этажа, третий этаж полностью занимал суд. Районный ОВД со штатом сотрудников более 500 человек ютился на втором и первом этаже. В подвале находился ИВС со своими троллями и орками. Сбоку здания был организован отдельный вход для прокурорских, работников суда, приставов, сотрудников вытрезвителя и шестого отдела УМВД (борьба с оргпреступностью). Отделение ФСБ занимало несколько кабинетов пятого этажа с проходом через ОВД и военкомат.

На собеседование к военному комиссару я попал сразу. У военкомата была своя дежурная часть, в которой за стеклом сидели какие-то старые бабки. Также была предусмотрена железная автоматическая решетчатая дверь на входе. Командир этого крутейшего аналога «Форта Нокс» представлял собой невысокого, плотного и седоватого мужчину лет за 50 с погонами полковника. Его кабинет был оформлен в лучших советских традициях, как и кабинет любого партийца в сериале «Чернобыль». В нем присутствовали многочисленные лакированные шкафы «Под дерево, чтобы богато смотрелось!». К столу, застеленному красной скатертью, перпендикулярно (то есть буквой «Г») примыкал еще один длинный узкий стол с придвинутыми стульями. На стене висел портрет вождя.

– Ты в курсе, что у нас серьезная организация? Здесь не должно быть ни опозданий, ни нарушений трудового распорядка – спросил мой будущий босс.

– Да, товарищ полковник.

– Тогда иди в третье отделение к Веселому, он тебя оформит.

Третье отделение находилось прямо через стену. В нем, для какого-то черта, была еще и оружейная комната с сейфом, в которой бережно хранился цинк патронов для винтовки калибром 5,5 мм. Все остальное то ли было разворовано, то ли отсутствовало за ненадобностью. Наличие такого количества патронов 5,5 мм при отсутствии к ним мелкокалиберной винтовки, к тому же не состоящей на вооружении, заставляли меня всегда дико ржать. Но это было уже потом!

Подполковник Веселый был начальником этого самого третьего отделения и заведовал личными делами офицеров запаса. По совместительству он также был кадровиком. Моложавый, веселый, кристально честный и симпатичный человек с белобрысой головой и откровенно славянской внешностью. Прямо на входе он дружелюбно спросил, какого хрена я забыл в этом болоте со своим образованием? Прямо так и спросил, и я ответил честно, что хочу служить Родине. Теперь это стало делом принципа, а уж где и в каком облики – другой вопрос. Услышав подобную ересь, он, видя мой нездоровый настрой, начал ухмыляться.

В конце концов, выбирать им не приходилось. Толпы соискателей этой великой должности за воротами явно не наблюдалось, так что я был самым перспективным, энергичным и в то же время единственным кандидатом.

Веселый оформил все необходимые документы, и так начался мой путь «Из варяг в греки». С этого момента я стал приобщаться к государственным тайнам, которые теперь и описываю.

Можно с уверенностью сказать, что первый рабочий день в военном ведомстве фактически ознаменовал всю мою дальнейшую судьбу. Это был день рождения у одной из стареньких женщин – старшего специалиста 4 отделения рядовых и сержантов запаса. Именно эти безжалостные потомки Нестора Махно никому не отдают то, что требуется, выдают насильно всем подряд то, что не нужно, и отращивают бока на казенных харчах.

Для приличия я выпил на этом празднике Хэллоуина немного вина и под благовидным предлогом сбежал. Все-таки праздник живых мертвецов – это явно не то место, где стоит находиться. Хотя мне, дураку, стоило бы и послушать, как за 30 лет тупого переключивания бумажек можно враси задницей в кресло и научиться при этом искренне ненавидеть людей. Сам Господь в тот момент обращался ко мне свыше, показывая очевидный пример взаимосвязи госслужбы и мутирования клеток организма и сознания, но я не внял его наставлениям.

На следующий день все нормализовалось, меня посадили за компьютер в приемной военного босса и все. И никакой работы неделями. Нужно было лишь отсидеть с 8 до 17 часов с видом всецелой занятости и хлещущей через край энергии.

За все время работы, я сходил юристом в суд от военкомата два раза и проиграл оба процесса. Немудрено, процессы были 100% проигрышные по делам об отмене решений призывной комиссии. Если какой-нибудь гений юриспруденции посмеет бросить в меня за это камень, предлагаю проверить эту систему на себе.

Через месяц меня посадили в дежурку, чтобы я смотрел в камеру и открывал входную железную дверь только работникам военкомата и только в рабочее время. Было приказано по возможности никогда не открывать дверь посетителям и, по малейшей причине, разворачивать их на выход, угрожая с воинственным видом штык-лопатой. Некоторое количество страждущих, при этом, умирало как Александр Матросов прямо перед решетчатой дверью на лестнице с военными билетами и приписными свидетельствами в руках. Другие умудрялись пересекать контрольно-следовую полосу и рвались к окошкам, где их расстреливали из подготовленных и заранее замаскированных пулеметов безжалостные военкоматовские палачи.

Это был самый настоящий мини-Гулаг в действии, только люди рвутся не наружу, а внутрь. Довольных посетителей за год я так и не увидел.

Сотрудникам отделения ФСБ, которые ползали как каракатицы через нашу дежурку, было приказано открывать дверь в любое удобное для них время. Для этих случаев была также предусмотрена освященная местным ксёндзом тряпочка, которой нужно было протирать свои губы после целования величественных чекистских задниц.

Сразу скажу, я ей не пользовался, ни пока открывал дверь, ни когда уже мне открывали дверь. Да и в одряблые задницы я их не целовал, несмотря на все упорные попытки военного руководства приобщить меня к этому действию.

Есть подозрение, что преимущественно женский коллектив военкомата в тайне желал для чекистов возрождения «Права первой брачной ночи» и регулярного свального греха, но тут уже чекисты были против. Целования старческих геморроидальных шишек им было вполне достаточно.

Самым страшным злом на этой планете было не открыть для этих тамплиеров вовремя решетчатую железную дверь. Иногда для этого приходилось разгонять толпу мужиков и юношей, которые посмели своим холопским отродьем преградить путь рыцарям меча и орала! А рыцари шли, побрякивая железом и пластилиновыми яйцами куда-то выше... Скорее всего, на ежедневный доклад к Богу.

Через некоторое время таких дежурств чекисты стали меня узнавать и здороваться. Работа пошла как по маслу. Самая сложная задача была решена, нужно было выучить гра-

фик их работы и все. Я бегал курить каждый час, высматривая в камеры наблюдения знакомые силуэты, помогал стелить линолеум, белить стены и проводить мелкий ремонт в этом склепе. Короче, работа – супер! Только зарплата полный отстой, по профессии никакого развития и еще приходится ублажать полководческие амбиции откровенных «генерал-адъютантов Куропаткиных», которыми издревле богата наша земля. С другой стороны, было весело. Коллектив был дружный и отзывчивый, а шанс вылететь за ворота минимальный.

Близился 2007 год (и моя женитьба, как побочный эффект). На праздник Нового года, как водится, собрали стол. Специально для культурного отдыха сотрудников был приобретен громадный музыкальный центр с караоке и микрофоном. Деньги на этот агрегат нашлись самым простым образом. Всем сотрудникам военкомата выдали премию по тысяче рублей с условием их последующего возврата. Так что с призывников никто ничего не тряс, ведь всегда есть более безопасный способ найти то, что в данный момент необходимо. Мы же все-таки не звери.

Ближе к вечеру празднества присоединился один из чекистов, который матерно и громко шутил, раскидывал по полу салат Оливье и бросался в людей кусками хлеба. Песня Газманова «Господа офицеры» в его исполнении гарантированно заняла бы на Евровидении первое место. Он был уже изрядно пьян и натурально падал под стол, что придавало пению некие трагические ноты.

В один из перекуров чекист умудрился разодраться с ветераном Афганистана, но их быстро разняли, и развели в разные углы. Звали этого чекиста – Хомяк. Он сидел на открытом окне пятого этажа и курил. Я стоял рядом, посматривая, чтобы он никуда в очередной раз не упал. Эххх! Знал бы я в тот момент, что меня ждет в дальнейшем, не ручаюсь, что не сделал бы из него легким движением руки десантника-парашютиста.

– У тебя какое образование? – спросил он у меня.

– Высшее, юрфак в этом году закончил.

– А какого черта ты тут работаешь? Пойдем к нам, у нас лучше. Тут же просто болото, пустая трата времени. Короче – он поднял вверх указательный палец и один из окосевших глаз – после Нового года найдешь меня, поговорим.

Я еще какое-то время посмотрел за Хомяком, чтобы он не подавился очередной порцией сельди под шубой и не упал на новый музыкальный центр. Потом мне все это надоело, так как он начал подобно младенцу давиться твердой пищей каждую минуту и падать вообще везде, так что я ретировался восвояси, сбросив с себя этот непосильный груз ответственности.

В тот момент мне требовалось более цивилизованное общение и снятие пережитого стресса. В основном, путем обильного поедания пирогов с брюквой.

Этим же вечером, уже после моего ухода, у Хомяка прямо за столом украли телефон, что вызвало невероятный резонанс. Вора нашли моментально, так как он по глупости вставил свою сим карту в аппарат и сделал один звонок. Это был один из множества техработников, которые трудились здесь совсем от безысходности, и за еще более низкую зарплату. Про вора я знал, что он бывший контрактник и успел поучаствовать в боевых действиях в Чечне. Его, конечно, сразу же уволили, но осадок остался.

В последующем я его видел несколько раз. В 2015 году он попался мне у банкомата с бравым видом и в форме с сержантскими лычками. Сказал, что служит контрактником-мотострелком в Оренбурге и несколько раз выезжал в командировки в Украину. В связи с изложенными выше обстоятельствами о воровстве чужого имущества, за достоверность его слов я ручаться не могу. В то же время, ничего не исключаю.

Далее были праздничные выходные. Мы, теперь уже с женой, уехали путешествовать в Москву натуральным образом – в плацкарте на верхних боковушках у туалета.

Наша свадьба была комсомольской, без гостей, а поэтому почти без подаренных денег. Так что для организации свадебного путешествия пришлось залезать косматой рукой в свою

бережно скопленную из копеек записку. Да и путешествие было недолгим, потому что из праздников три дня выпадали на дорогу. А праздники именно в тот год были короткими.

Вот так, еще с самых молодых ногтей мы начали привыкать к безудержной роскоши столичной жизни!

После праздников я вышел на работу и несколько раз заглядывал в отделение ФСБ, но своего знакомого никак не мог застать. В конце концов, на одном из дежурств я его встретил лицом к лицу.

– Здравствуйте. Вы мне говорили подойти после праздников по поводу работы.

– Да? Какой работы? Что-то я не помню.

– На празднике перед Новым годом разговаривали – Хомяк вертел красными похмельными глазами в разные стороны и, очевидно, не мог вспомнить не то что наш разговор, но и текущий день недели.

– Аааа... Ну, вкратце, требования у нас жесткие, отсутствие судимых родственников, высшее образование, спортивные нормативы. Со здоровьем как?

– Я здоров, с родственниками все нормально. Но у меня ограничение к военной службе и военный билет – в глубине души я надеялся, что для ФСБ не существует никаких бюрократических препятствий и главное, чтобы голова была на плечах.

– Мммм... Нет, тогда не пойдет. Мы тут все военнослужащие, так что... Ну ты заходи, если что-то изменится – он похлопал меня по плечу и ушел.

Прекрасно понимая, что само по себе ничего не изменится, а также осознавая тот факт, что в военкомате нельзя проработать до пенсии, я начал новый мозговой штурм. Как раз к этому новому штурму начали приходиться отказы из прокуратур урочищ и хуторов, куда я отправлял резюме, и где волки натурально опасаются справлять естественную нужду. Пришло уже порядка пяти отказов, так что, в целом, ситуация была ясна. Ждать чуда было бессмысленно.

Тем же ходом я направился к военкому и рассказал ему обо всей своей нелегкой ситуации. Он несколько не удивился, но и не воодушевился моей идеей по прохождению повторной ВВК. Единственное, он спросил меня: а кто будет работать, если все разбегутся? Поговорив с ним еще немного, была выбрана общая стратегия. Он мне помогать не будет, но и мешать не станет. Так что все в моих руках.

Натуральный нехороший и несознательный гражданин! Знал бы он в тот момент, что ему самому осталось служить несколько месяцев, точно принес бы из дежурки тряпочку для протирания моего будущего величественного зада.

В этот же день я подошел к главному врачу военно-врачебной комиссии в военкомате, и она тоже не воодушевилась моими планами.

– Зачем тебе это надо? Сиди тут и работай, здесь же спокойно, и мухи не кусают – сказала она, протирая очки с толстыми диоптриями.

Конечно, если бы я был шестидесятилетней одинокой женщиной с гипертонией и тремя домашними кошками, то точно последовал бы ее примеру. Но, увы, это было не так. Каким-то чудом и откровенным подхалимажем мне удалось ее убедить пойти навстречу. Единственной проблемой было то, что нужно было ждать весенней призывной комиссии. А до нее было еще три месяца. Целых три месяца деградации! Но делать было нечего, оставалось только ждать.

После зимне-весенней тяготы, и высчитывания минут до окончания рабочего дня, наступил заветный апрель. Я взял в отделении призыва свое личное дело и внимательно его изучил. Внес актуальные сведения о родственниках и образовании, прошел повторно психологические тесты. Так что подготовительная работа была полностью проведена, далее следовало самое важное – военно-врачебная комиссия. Обежав в трусах вместе с призывниками всех врачей (а надо учесть, что я здесь работал и ежедневно встречался почти со всеми этими чудес-

ными женщинами пост-пост-пост-бальзаковского предсмертного возраста), я подошел к дерматологу.

– Жалобы?

– Отсутствуют.

– Тааак, посмотрим – врач залезла в свои бумаги, – Погодите, вы же состоите у нас на учете?!

– Я? Не может быть – пришлось для убедительности симитировать искреннее удивление и поддержать для пущей бравости трусы – Это какая-то ошибка, я здоров!

– Да точно, вот смотрите. В 1998 году вы обращались к нам с диагнозом «нейродермит». Что вы мне голову морочите? С таким диагнозом вам здесь делать нечего.

– Подождите, давайте не будем торопиться – я решил сбавить темп войсковой операции – Здесь точно какая-то ошибка. Смотрите, я здоров.

– Да я и не спорю, что вы здоровы! – она посмотрела на мою божественную кожу цвета бледной поганки – Но все равно, я ничего не могу вам подписать.

В этот момент я решил бросить в бой последние резервы, чего к счастью не сделал Наполеон под Бородино. Эта врач-женщина была подменной и не знала, что я здесь работаю. Так что удар был убийственным, ведь вся методика работы была мне известна.

– Тогда пишите, что нужно. Зачем вы меня сюда позвали? Или вы думаете, что я хочу в армию? Мне что, больше заняться нечем, чем к вам ходить?! – врач заметно напряглась, подсознательно не желая выпускать потенциального призывника из своих когтистых лап.

– Ну а что же вы так резко?! Я вот вам направление сейчас напишу в диспансер. Не будет справки – пойдете у меня как миленький служить (я мысленно потирал руки)! Вам нужно взять ее в нашем диспансере от того врача, который вас поставил на учет. Успевайте все сделать сегодня, чтобы завтра мы с вами уже закончили. Иначе – собирайте вещи и в морфлот!

Отпросившись у военкома с работы, я тут же полетел в диспансер. Удивительно, но через столько лет врач все еще работал. Он, конечно, постарел, но нисколько не утратил тягу к добрым делам.

– Здравствуйте, мне нужна справка для военкомата о годности к службе.

– Я не могу вам выдать такую справку. Вы обращались на прием с диагнозом «нейродермит» в 1998 году. Для снятия этого диагноза нужно минимум 10 лет отсутствия ремиссии. Где ваша карточка?

– Вот, держите, – незадолго до этого я, подозревая возможные проблемы, взял свою старую карточку на руки под предлогом, что иду на прием. Потом просто вышел из диспансера и выкинул ее в ближайшую мусорку.

Перед новым походом, я завел себе другую карточку, совершенно чистую. Чудны дела Господа, но такого наглого вероломства никто не заметил.

– Но она же пустая? А где ваша старая карточка? – у врача округлились глаза

– Не знаю, у меня только эта – врач грустно выдохнул.

– В общем, так. Я напишу вам справку о том, что вы ранее обращались за медицинской помощью с датой приема. Диагноз писать не буду, так как нет подтверждающих сведений из карточки. Напишу, что в данный момент видимых болезней нет. Не знаю, что вы задумали, но так делать неправильно.

Я не был до конца уверен, что документ с такими формулировками поможет. Но это было хотя бы что-то. Вся эта история с претензиями и угрозой судами о снятии диагноза явно буксовала и тянулась через пень-колоду. Но стоило начать играть по другим правилам, и система тут же дала сбой, ломая сама себя. Мои действия не были запрещенными и наказуемыми. Все шло в рамках правового поля, но особого – российского. Поэтому дело, как экскаватор в болоте, помаленьку начинало двигаться. Идиотский бюрократизм практически был побежден.

На следующий день я предъявил полученную верительную грамоту врачу призывной комиссии.

– Такая справка меня не устраивает. Тем более, вчера я разговаривала с выдавшим ее врачом. Куда вы дели свою старую карточку?

– Никуда. Зачем она мне нужна? Раз уж в больнице вы ее потеряли, что теперь горевать? Пишите как есть.

– Я не могу написать, что вы здоровы, о вас есть сведения в основной картотеке. Но и по-другому я написать не могу, так как нет медицинской карточки. В общем, вы мне надоели. Езжайте в краевую призывную комиссию, пусть они с вами разбираются.

В краевой призывной комиссии было чисто, светло и пусто. А еще солнечно, симпатично и дружелюбно. Весь поток призывников еще не добрался до этих мест, поэтому я был один. Молодой врач посмотрел на меня, посмотрел в документы и ничего не понял.

– А зачем вас сюда прислали?

– Не могу знать – соврал я – требуют заключение от вас.

– Маразм какой-то. Совсем, видимо, нечем заняться. Держите. Годен, здоров.

Далее все было быстро и четко. У меня забрали военный билет, выдали приписное удостоверение с высшей категорией годности к военной службе «А» и отсрочкой по беременности жены. Мне же ситуация очевидно напоминала сцену из фильма «Перл Харбор», в которой полуслепой летчик прикидывается перед врачами зрячим и, в дальнейшем, сбивает кучу вражеских самолетов. С единственным отличием, что в действительности я здоров, и сбивать самолеты в тот момент явно не собирался.

Так произошла моя первая победа на этой никому не нужной войне.

И именно так я стал пешкой в большой игре всемогущих спецслужб.

Часть 2. Рождение лейтенанта

Через пару дней с момента получения военного билета я вновь пришел в местное отделение ФСБ на встречу со своим знакомым – Хомяком. Дверь мне открыла женщина-секретарь средних лет в темно-сером брючном костюме и с добрейшим на свете выражением лица.

– Вы к кому? – спросила она, скривив при этом рот в порыве отвращения к моей скромной персоне.

– К Хомяку, мы с ним договаривались о встрече – нагло соврал я и легонько оттеснил эту тетеньку от двери плечом.

– Хомяяяк! Хомяяяааак! – закричала она в проход – Тут к вам посетитель, юрист из военкомата. Пускать, или вы заняты?

Хомяк басисто пробурчал из глубины своего логова, что в данный момент он не против незваных гостей, после чего секретарь спрятала за голенище приготовленный для самообороны штык-нож и проводила меня до самых дверей его кабинета.

По пути навстречу пламенным объятиям единственного «лучшего друга» в этом ведомстве я успел заметить, что помещение отделения ФСБ состояло из четырех комнатушек. В самой просторной из них заседал Хомяк. Антураж его бункера смотрелся после окружающей нищеты просто божественно – встроенная мебель, большие зеркала, массивные сейфы и огромная железная штукавина в углу, похожая на стиральную машину.

Как и у всех грузных людей, спинка офисного стула Хомяка была сломана и неправдоподобно изогнута назад. На его столе не было ни одного документа, компьютер был выключен. Хомяку не понадобилось и пяти минут, чтобы оценить ситуацию.

– Ну вот, другое дело. А ты говорил, что это невозможно – он басисто засмеялся – Ничего невозможного нет!

Пролистав еще раз все документы вместе с новеньким приписным свидетельством, Хомяк запустил очередной бюрократический маховик и выдал мне телефон отдела кадров управления. По его словам, на том конце провода меня уже знали и ждали звонка.

Уже дома пришлось немного отрепетировать перед важнейшим в моей жизни разговором порядок слов в предложениях, после чего трясущиеся руки машинально набрали на дисковом телефоне записанный номер. Собеседник на том конце провода действительно меня знал и назвал по имени. Он не стал ходить вокруг да около, и просто пригласил меня на встречу в управление через несколько дней. Естественно, я приехал на это randevu вовремя в парадном и единственном костюме, который у меня был. В моих руках находился полный комплект всех необходимых бумажек и справок, часть из которых пришлось добывать в неравной и кровавой схватке с российскими бюрократами всех мастей.

Кадровика привезенная макулатура устроила, и он прямо здесь же выдал мне короткий тест на эрудицию, в котором были веселые вопросы для третьеклассников. В стиле, в каком году основана Москва? Или в каком году крестилась Русь? Или кто написал сказку «О царе Салтане»? Так что решить эти вопросы даже для простого обывателя вполне возможно. Конечно, если сдающий тест не потомок Маугли, воспитанный волками, пантерой и ленивым медведем.

По расширенным глазам кадровика я понял, что результат теста его явно удовлетворил. Далее он взял копии всех документов, которые я принес, и выдал направление на уже ведомственную ВВК. Ее пришлось проходить в несколько этапов, так как врачи различных специальностей работали в госпитале управления по графику.

Несмотря на все мои опасения, за несколько недель я ее успешно осилил и чувствовал теперь себя человеком с чрезвычайно крепким здоровьем. Новое приписное свидетельство

и свежая дата ВВК делали свое дело и ни у кого не вызвали сомнений. Далее мне было сказано ждать своей очереди в психо-физиологическую лабораторию.

Сразу хочу сказать, что я до сих пор не знаю, с чем связаны такие долгие перерывы между всеми этапами устройства на службу. Никаких очередей из кандидатов уже после зачисления в штат я не видел. Их просто не существует! Скорее всего, система специально себя тормозит, дабы придать большую значимость проходящей проверке.

Так что на психо-физиологическое исследование я попал только через пару недель. Там у кандидатов в режиме реального времени вынимали мозг, разрезали его на мелкие кусочки и исследовали под микроскопом. Я не испугался, поэтому прибыл на данное мероприятие, предварительно помыв голову шампунем Хэд энд Шоулдерс.

Психолог-Очкарик сидел в отдельном светлом кабинете с многочисленными цветами и аквариумом. К беседе с ним особенно располагали расслабляющие вырвиглазные тона, в которые было окрашено окружающее пространство, и висящие на стенах репродукции картин Эдварда Мунка «Крик» и Винсента Ван Гога «Купание красного коня».

Первая часть исследования заключалась в решении целой кучи компьютерных тестов. Часов на 5, не меньше. На айкью, выявление психотипа, общее эмоциональное состояние, внимательность, интуицию и т. д. Хотя я и покрылся испариной, пока решал всю эту белиберду, Очкарик остался доволен. Единственное, он спросил меня прямо в лоб, не страдаю ли я депрессией. Разумеется, на этот внезапный прием лобовой атаки, рассчитанный на наивных представителей советской интеллигенции, я не поддался. На мой отрицательный ответ он ничего не ответил, а просто заставил меня пройти еще раз один из самых долгих по времени тестов, сказав примерно следующее – «Ну... У юристов иногда бывают такие результаты, давай-ка еще раз, дружок!». Что имел ввиду этот правнук Фрейда, мне до сих пор непонятно.

После подведения итогов первого этапа ПФИ, следовал еще один небольшой антракт размером в несколько недель и ожидание исследования на полиграфе.

На удивление, полиграфолог оказался уже знакомым мне психологом-Очкариком. На этот раз он завел меня в совсем небольшую комнату, которая располагалась прямо в его кабинете, и которую, при первой встрече, я даже не заметил. В комнате стояло кожаное кресло, стол с ноутбуком и табурет. На стене висела рамка с фотографией, на которой Очкарик был среди гор в камуфляжной форме и автоматом в руках. Иные неодушевленные предметы в кабинете отсутствовали.

Очкарик заботливо усадил меня в кресло, закрепив перед этим на моем туловище датчики и цепи. Цепи были явно похожи на оковы, которые в 1917 году рвали большевики. Сам же Очкарик занял суперпозицию за ноутбуком, сидя при этом на табурете. После того, как приспособление для выуживания правды из лжецов было приведено в боевую готовность, последовали контрольные вопросы, на которые можно было отвечать только «да» или «нет». Откалибровав тем самым аппаратуру, Очкарик приступил к раскапыванию великих тайн. О моей вербовке Моссадом, причастности к убийству Сергея Мироновича Кирова и хищению чертежей баллистических ракет «Булава».

Долго копать не пришлось, так как все мои особо охраняемые секреты находились на поверхности. На третьем вопросе психолог спросил, пробовал ли я курить коноплю, и я ответил утвердительно. Он переспросил сколько раз, и я ответил, что три раза.

И в тот момент я соврал... Я пробовал ее четыре раза, поэтому мне стало стыдно за свою мерзкую, гнусную жизнь и невынужденную ложь. И стало также очень стыдно перед Родиной, что я подвел ее и практически предал своим недостойным безалаберным поведением.

Чудесный аппарат при этом нисколько не пытался меня осудить и даже наоборот. Он предательски молчал, явно встав на мою сторону. Знал бы я в тот момент, сколько вынюхано тонн кокаина властными представителями нашей великой Родины при решении государствен-

ных вопросов, то просто не стал бы ничего отвечать, а рассмеялся бы Очкарику в лицо. Но так я делать, разумеется, не стал.

После этого Очкарик с невозмутимым видом сказал, что мы закончили, снял с меня свое чудо-приспособление и улыбнулся. Довольно доброжелательно он проводил меня к выходу и пожелал удачи, подопнув легонько коленом чуть ниже спины. Так что первый раз исследование моей личности на полиграфе заняло всего несколько минут. Гораздо большее время из всей беседы заняли не сами вопросы, а включение дорогущего ноутбука, надевание на мои чресла датчиков, цепочек и их последующий демонтаж.

Выйдя за ворота управления я, как ни в чем не бывало, отправился на ближайшую автобусную остановку. Так что осознание краха пришло не сразу. Через несколько часов я вдруг понял, что все документы остались у Очкарика. На руках же было пусто, и новой встречи мне никто не назначил. Ситуация была очевидна – меня спровадили восвояси безо всякого дальнейшего шанса на успех.

Конечно, в тот момент было немного обидно, что на устройство в ФСБ было потрачено столько времени, но все так бесславно закончилось. Под словами «немного обидно» в данном случае следует понимать стадию – Ааааа! Все пропало!

В тот день я просто просидел до самого утра глядя в одну точку. А далее просидел так еще несколько дней, пока на мне не начали спариваться мухи. В конце концов, я выдохнул, подумал, что все не так уж плохо, и решил жить дальше. Тем более что теперь все документы были чистые, и путь для свершения богоугодных дел был относительно свободен.

Обдумав всю ситуацию примерно сто сорок шесть тысяч раз, я был крайне удивлен, что этот чудо-лекарь так негативно отнесся к моему утвердительному ответу по поводу курения марихуаны. Ведь, как минимум, 99% лиц мужского пола от 13 до 65 лет в моем городе ее пробовали. Учитывая, что проблемой нашей деревни была далеко не вшивая конопля, казалось странным проводить отбор в серьезную структуру по данному критерию.

На самом красивом строении, возведенном в центре моего села, висел баннер «В 2006 году в городе зарегистрировано...» примерно 2 500 случаев заболевания ВИЧ. И это при условии, что в округе живет всего тысяч 70 человек, две трети из которых сопливые дети и дряхлые старики, а все наркоманы, варившие «ханку» из мака и травы-лебеда, уже давно вымерли. Так что мое родное обиталище на тот момент занимало уверенное первое место по плотности зараженных ВИЧ и героиновых наркоманов не только в России, но и в мире, включая страны Африки. А тут какая-то конопля... Тьфу!...

Но уныние – это не наш путь. Попрощавшись с ФСБ, я снова наведалься в прокуратуру. Там со мной в очередной раз побеседовали, но сказали, что мест нет, и опять же не предвидится. Тогда уже хороший товарищ – следователь Кубанец позвонил прямо в моем присутствии местному начальнику межрайонного отдела по налоговым преступлениям областного управления МВД и попросил за меня.

Здесь все было проще. То ли звонок Кубанца сработал, то ли у них был жесткий кадровый голод, но все получилось. Собеседование заняло менее 10 минут, после чего местный босс сразу согласился меня взять на службу. Уже на следующий день я был в управлении кадров ГУ МВД на встрече у какого-то полковника, который послушал мои песни о Нибелунгах также недолго и приказал оформляться. Насколько было понятно, ни выводы ВВК, ни любая другая бюрократия их не волновали. Оформляли всех, кто действительно был нужен. Так что через некоторое время мне должны были выдать все необходимые документы, а после этого и заветную красную фуражку.

Вообще, все эти ожидания начали очень сильно напрягать. Тут жди, там жди. Везде нужно ждать, ждать и снова чего-то ждать. На определенном этапе мне стало совершенно наплевать, куда в итоге меня занесет нелегкая судьба, и тут завертелась совсем уже невероятная история.

С момента позорной капитуляции перед полиграфом ФСБ прошло уже больше месяца, и я уже совсем ни на что не рассчитывал. Но в один из дней ко мне в приемную спустился из поднебесья Хомяк и сходу начал на меня орать. Основное, что я уловил из этого монолога, заключалось в моей беспросветной тупости.

– Придурок, ты чего психологу наговорил?

– А какая разница, полиграф все равно бы все показал.

– Что бы он показал? Откуда эта чушь? Потом тебе расскажу, как это все работает – он немного умерил свой пыл и почесал белобрысый морщинистый затылок – Мдааа, натворил ты дел. Теперь жди, Очкарик уходит в отпуск, а это надолго. Попробуем еще раз тебя отправить. Но больше не вздумай там подобное говорить, понял?! – он совершенно серьезно погрозил мне кулаком. Я, естественно, ничего не понял, но пообещал вести себя прилично. Кроме этого, я сообщил ему о том, что уже договорился с работой в отделе по налоговым преступлениям милиции.

– Поступай, конечно, как хочешь, но мы на тебя надеялись. Если в следующий раз все пройдет как надо, тебя оформят практически со 100% вероятностью. Если решишь устроиться в любую другую силовую структуру, даже на время, вероятность тут же упадет до нуля.

Немного подумав, я все же решил сделать ставку на ФСБ, поэтому честно пришел в ОНП и сообщил о своем отказе от дальнейших действий по трудоустройству. Рассказывать, куда иду в дальнейшем, я не стал. Они похвалили меня за честность, удивленно покачали головой, сели в свои буржуинские автомобили стоимостью больше десяти моих годовых зарплат и разъехались дальше «кошмарить» бизнес. Судя по виду, зарабатывали они гораздо больше любого прокурора, чекиста или обычного милиционера даже вместе взятых. Я же опять остался ждать.

За следующие два месяца мой военный босс снова поменялся. Как после этого выяснилось, предыдущие руководители были достойными и порядочными людьми. Но в жизни все всегда нестабильно и похоже на рулетку, поэтому в третий раз мне не повезло. На эту должность назначили молодого подполковника, выпускника химического факультета гражданского ВУЗа. Какого-то бывшего заведующего клубом самодеятельности. Вроде даже в ГДР...

Ровно в первый же день его владычества, после попытки сделать из меня солдата-срочника с увлекательным развлечением «сесть-встать», я написал заявление на увольнение и после двухнедельной отработки ушел в закат. В самый короткий период после меня уволилось еще около 5 человек по аналогичным мотивам. Естественно, работникам не хотелось ходить строем под военные марши и заваривать чай из тряпочки для протирания губ после целования чекистских задниц. Ни за какие деньги, а уж тем более за откровенно жалкие копейки! Хотя подавляющее большинство коллектива в итоге и с этим смогло смириться.

Эххх, до чего же терпеливые у нас люди! Вот такое малодушие во всей красе – смотри в рот любому идиоту, и получай за это 4 600 рублей.

Так, в первый раз в трудовой деятельности я столкнулся с концентрированным дебилизмом, который явно заразен, поскольку за очень короткий промежуток времени захватывает все вокруг.

Хомяк, услышав, что я ухожу в почетную отставку, нисколько не смутился и сказал не теряться из вида. Настроен он был позитивно, так что и я был настроен позитивно. Мои мысли развеять пепел университетского диплома над рекой в тот момент практически исчезли.

Лето 2007 года было просто шикарным. На улице, вопреки прогнозам Гидрометцентра и сложившейся вековой практике трехмесячного сезона дождей стояла жаркая и солнечная погода. Кругом колосилась рожь, летали цветастые бабочки и ползали навозные жуки. Так, что даже при практическом отсутствии денег, жизнь была насыщенной и интересной. К тому же, этим летом у меня родился сын.

До этого момента мы с женой жили в квартире с тестем и тещей, братом жены и его женой, и отцом тестя. Хоть квартира и была четырехкомнатной и 60 метровой, но для семерых раз-

новозрастных человек это явно было перебором. Поэтому мы втроем, то есть нашим кровным боевым патриархатом, перебрались в пустующую квартиру моей матери. Там было бедновато, но все же более комфортно. Древняя мебель, древние обои и отсутствие элементарной посуды наталкивали на мысли о необходимости срочно найти клад с золотыми слитками. Ну, или, как минимум, найти на улице хоть сто рублей на прокорм.

В любом случае, к этому времени нужно было начинать жить самостоятельно, поэтому, собрав в охапку тюки с тряпьем и купленную с рук коляску и детскую кроватку, мы ринулись в распрекрасную ту благодать. Со счастливыми лицами прямо как в знаменитой песне Высоцкого.

Так мы и жили вполне себе припеваючи все это отличнейшее лето, в конце которого я все-таки прошел злополучный полиграф. Психолог был тот же – Очкарик. Правда ему пришлось сделать вид, что он видит меня впервые, а это было одновременно и смешно, и торжественно. Я ответил правдиво на все его вопросы за исключением момента, касающегося употребления марихуаны. Дабы не наполучать от Хомяка затрещин, мне пришлось откровенно соврать, что я никогда ее не пробовал. Очкарик на подобный поворот событий даже не повел бровью. Так что, как и предсказывал Хомяк, все было на мази.

Поскольку сэкономленные в великих муках деньги в условиях безработицы постепенно заканчивались, ждать манны небесной уже не было никакой возможности. Питаться же святым духом на тот момент мы с семьей еще пока так и не научились, поэтому, в очередной раз, пришлось попросить тещу подыскать мне хоть что-нибудь на короткий промежуток времени. Чудесным образом, благодаря ее протекции, через несколько дней я устроился юристом в отдел образования администрации. Зарплата там была уже веселее, в районе 14 тысяч рублей. Для нас это было просто шикарно. Интересная работа, замечательный коллектив, крайне интеллигентное и практически полностью бесконфликтное начальство. При этом от работы веяло дикой пафосностью и обманчивой значимостью.

Так, дело моего трудоустройства в контору дотянулось до зимы, когда меня в очередной раз вызвали в управление сдавать нормативы по физподготовке. Расчетным методом итоговых оценок служила какая-то идиотская бальная система, в которой я так ничего и не понял. Первый раз я подтянулся 18 раз и пробежал стометровку за 14,8 секунд. К сожалению, трехкилометровый марафон я пробежать не смог и сошел с дистанции.

Если честно, не знаю почему, но бег мне до сих пор дается крайне плохо. Одним словом, «Ни шагу назад!». Хотя, при своих небольших на тот момент габаритах в 175 сантиметров роста и 58 килограммов веса, я явно должен был бегать быстрее. Но, даже подгоняемый сзади очередями из немецкого МР-40, я ничего не мог с собой поделаться. Каждый раз на третьем круге я падал как подкошенный и начинал окапываться прямо на резиновом покрытии стадиона. Особенно комично смотрелось, когда меня легко обгоняли подростки из местной легкоатлетической секции, перешагивая через мое ползущее и почти бездыханное тело, смеясь при этом в полный голос.

В один из таких марафонов ко мне подошел довольно коренастый и колченогий кадровик управления, явно похожий на бывшего самбиста, и сказал.

– Слушай, вот мне сорок четыре года, и я стометровку бегаю за 14,4 секунды. А тебе 24 года, и бегаешь ты как инвалид. Ну, или как Форест Гамп в железных скобах.

Я знал, что ему ответить, но промолчал. Если бы мы рубанулись с ним в шахматы, я бы гарантированно его порвал на британский флаг. Вот такой у меня страшный дефект, я плохо бегаю. С другой стороны это и замечательный плюс! На моем месте отступать бесперспективно и бессмысленно, так что все относительно.

Чувак-спортивный организатор, принимавший зачеты, тоже посмеялся надо мной и сказал тренироваться до следующих Паралимпийских игр. Так что с этого момента я полностью погрузился в самосовершенствование по данному направлению.

Примерно в то же время я познакомился с начальником отделения ФСБ, которое подбирало меня на службу. Он был бывшим военным-ракетчиком и довольно замкнутым человеком, как и любой среднестатистический дед. При этом, он все же был доброжелательным и разносторонне развитым интеллигентом советской закалки, так что общее поле для дискуссий нам легко удалось найти.

Этот самый Дедушка надавал мне поручений и сказал написать справки по заданной тематике. Все задания касались оценки оперативной обстановки в районе обеспечения. Спортивно-криминальные группировки, незаконный оборот наркотиков, душевнобольные последователи «Черносотенцев», ожиревшие и подтирающие зад пятитысячными купюрами коррупционеры и торговцы арбузами из южных широт – все это было объектом сбора информации и скрупулезного составления справок.

Видя мою прыть в физкультурных подвигах и стертые спортивные кеды, Дедушка посоветовал мне тренироваться без фанатизма. В то время я еще слабо понимал намеки, поэтому решил наоборот усилить тренировки. До физического и умственного изнеможения, о котором на тот момент также имел крайне слабые представления. Благо времени на все эти жалкие потуги для достижения спортивных рекордов было выделено достаточно. Целых полтора месяца.

С неизбежностью крутого облома, который уготован для любого неподготовленного спортивного стахановца типа меня, в назначенное время я снова пришел сдавать те же самые нормативы на тот же самый стадион. Размяв раздутые икроножные мышцы и стопы, я решил начать акробатическое выступление со своего конька – подтягивания на перекладине. Подтянулся 20 раз и продолжил выполнение упражнения, но меня остановили. Далее я решил размять руки и плечевые суставы, после чего пробежал стометровку за 14,4 секунды, уложившись ровно в норматив на тройку. Немного порассуждав о тленности бытия, я метнулся вихрем по кроссовой дистанции, но опять же предсказуемо ее не добежал. На четвертом овале стадиона я понял, что явно не вписываюсь в заданные рамки, поэтому разбрасывать по периметру эпилептическую пену изо рта дальше не было никакого смысла.

К моему глубокому удивлению, на этот раз вопросов не было. Но насколько я понял, баллов для прохождения испытания на этот раз мне все же хватило. Теперь все этапы унижений и бесцельной траты калорий были позади. Оставалось только ждать своей участи.

В один из декабрьских вечеров 2007 года мой телефон зазвонил. На том конце телефонной трубки совершенно неожиданно обнаружился районный прокурор, который предложил мне на следующий же день выйти на должность помощника в общий надзор. Я был крайне удивлен такому развитию событий и ответил, что обязательно приду. После завершения этого разговора мне пришлось тут же связаться с Дедушкой и сообщить, что меня уже точно берут на работу в конкурирующее ведомство. Он спросил, что я думаю по этому поводу, и пойду ли завтра на встречу? Я ответил, что пойду в любом случае, так как неудобно перед человеком. Вроде как большой босс. Тем более я с ним лично знаком. Дедушка посоветовал мне не дергаться. Он также сказал, что мой крест почти донесен до Голгофы, и теперь нужно просто ждать аттестационную комиссию. Вопрос с устройством решенный. С другой стороны, после года ожиданий и обещаний его слова не очень-то меня мотивировали.

На следующий день я пришел в прокуратуру, уже четко осознавая, что придется от этой работы отказаться. Не зря же я целый год бегал как цирковой осел по кругу испытаний! Как старый знакомый я побродил по кабинетам и со всеми поздоровался. Обстановка в ведомстве уже не была такой благоприятной как несколько лет назад. Следователей завалило уголовными делами по самые уши, поэтому они были нервные и злые.

Прокурор выслушал меня и очень удивился отказу, к которым он явно не привык. Когда ты являешься зятем регионального прокурора – генерала, то на жизнь начинаешь смотреть совсем по-иному. Сурово предупредив, что это последний шанс, он наткнулся на мое катего-

рическое нежелание стать государевым оком. Я еще раз его поблагодарил за проявленное доверие и сказал, что уже пообещал выйти на службу в другом месте, не уточняя в каком именно. По его взгляду было практически наверняка ясно, что он раскусил мой план и дальнейший жизненный путь. Поэтому без лишних вопросов он пожелал мне удачи и тут же закрыл перед носом дверь.

После этого я просто продолжил ходить на работу в районную администрацию. На моем попечении в тот момент находились двенадцать школ и около тридцати детских садов, за каждым из которых был необходим тщательный присмотр. В отсутствии такого присмотра максимум через несколько дней они забывали любые нормы действующего законодательства, откапывали где-то последнее издание «Русской правды» Ярослава Мудрого и принимались вырывать друг другу ноздри, глаза и языки. Я же был в этих спорах верховным арбитром миротворческой миссии, и каждое утро пришивал пострадавшим все оторванные части тела на место.

Через некоторое время меня вызвали в управление на заключительное мероприятие – аттестационную комиссию. Перед ней был инструктаж о том, как себя вести и что говорить. Мне показали ведомость сдачи нормативов по физподготовке, в которой напротив моей фамилии стояли совсем другие цифры результатов, и сказали их запомнить. Я немного этому удивился, но все же принял этот факт как должное. Не мог же я в тот момент воскликнуть – «Ага! Попались! Я вас всех выведу на чистую воду!». Я же все-таки устраивался на службу, а не ложился на стационарное лечение в дурдом.

Уже более высокий чиновником кадровик, беседовавший со мной перед самым моментом истины, посмотрел сначала на меня, потом на эту ведомость и сказал на самом полном серьезе, что подтягиваюсь я крайне мало и должен делать минимум 50 выполнений. При этих словах у меня зашевелились пока еще не седые волосы на голове, но я их успел пригладить, чтобы не привлекать внимание. В тот момент очень хотелось, чтобы он своим задорным примером показал, как это делается.

– А что же вы, Штирлиц, не рассказали, что были лишены права управления транспортными средствами на год за пьянку? – спросил он загадочно в самом конце инструктажа.

К такому повороту я явно не был готов, но вовремя нашелся.

– Это было пять лет назад. А кодекс об административных правонарушениях предусматривает, что уже после года с даты окончания административного наказания лицо считается ранее не привлеченным к ответственности. Зачем об этом вспоминать?

– Мда, тут вы правы. Но впредь будьте аккуратнее, у нас здесь не пьют.

К слову, в моей биографии это был не единственный смутный момент. В своей первой школе я был неоднократно уличенным в хулиганстве, бил стекла и беспощадно дрался. Меня поставили на учет в детскую комнату милиции, и каждый месяц до 5 класса уже в новой школе ко мне приходила женщина в милицейской форме и расспрашивала о моем житье-бытье. На новом месте учебы такое же мелкобуржуазное отребье оценило мои навыки в разведывательно-подрывной деятельности, подкрепленные излишним интересом людей в погонах, и тут же от меня отвязалось.

Странно, но по этому поводу в конторе ко мне никаких вопросов не возникло. Уже потом я понял, что так глубоко биографии никто не копает, и все поставлено на самотек с видом глубочайшего контроля.

Пришлось немного подождать самого вызова на аттестационную комиссию в коридоре управления перед «красным уголком», после чего меня, наконец, пригласили в одно из помещений. Проходило это обрядовое действие в довольно просторном актовом зале с кафедрой и трибуной, покрытой красной материей. В самом зале, как и за трибуной, сидела значительная толпа народа в темных деловых костюмах.

– Кандидат на службу Штирлиц для прохождения аттестационной комиссии прибыл – отрапортовал я после восхождения к «лобному месту».

– Здравствуйте, Штирлиц. Скажите нам, пожалуйста, а почему вы выбрали для службы ФСБ? – спросил у меня председатель комиссии и по совместительству предводитель местного дворянства с типажом Ипполита Воробьянинова.

– Мне хочется служить своей стране и делать то, что я умею лучше всего.

– Судя по вашему диплому, вы готовились к работе в следствии прокуратуры. Мы здесь таких преступлений не расследуем – он пробрюзжал что-то еще и скуксился, демонстрируя явно недовольный вид.

– На мой взгляд, служба в органах является самой почетной из всех и, в то же время, самой сложной. Смысла ставить для себя легкие цели я не вижу, поэтому выбрал сложный путь.

– Как вы относитесь к тому, что вас на год отправят учиться в ведомственный институт? Потом, кстати, будут командировки в «горячие точки».

– Если Родина прикажет, я готов – ответил я, пытаюсь разглядеть разом лица всех этих людей. Их было довольно много как в зале, так и на трибуне. Дополнительные уточняющие вопросы при этом раздавались с разных сторон, и было не совсем понятно, кому же конкретно отвечать.

– Вы рассуждаете слишком приземленно. Что значит, если Родина прикажет? Если она прикажет, каждый из здесь присутствующих пойдет выполнять свой долг. А если нет? Ваше желание не должно отталкиваться только от приказа – на этом он оборвал свою глубокую мысль и перескочил на следующую.

– Хорошо, другой вопрос. Чем, по-вашему, служба в ФСБ отличается от службы в других органах?

– Служба в органах является военной службой со своими ограничениями, запретами и порядком прохождения – ответил я, пытаюсь хоть как-то парировать его хитрые словесные туше.

– Ну, это все ясно. С точки зрения закона, вы правы. А с моральной точки зрения?

Я немного помялся, явно не понимая, что от меня хотят услышать.

– Если говорить не казенным языком, а своими словами, мне кажется, что Федеральная служба безопасности хоть и не является надзорным органом, но все же стоит выше по отношению к другим структурам. По подбору кадров, по материально-техническому обеспечению, по сложности решаемых задач. По сути, сотрудники органов являются образцом для подражания...

– Достаточно – перебил меня этот седовласый старичок – Товарищи офицеры, есть еще вопросы? – вокруг было гробовое молчание – Тэээк. Вопросов нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.